

С. Т. Смирнова

СЕМЕЙНЫЙ ЛАД ВЕРНАДСКИХ: КУЛЬТУРА ЖИЗНИ

В статье на основании анализа источников личного происхождения — писем, дневников, воспоминаний В. И. Вернадского и членов его семьи — анализируется уклад жизни семьи выдающегося представителя российской интеллектуальной элиты предреволюционного и пореволюционного времени. Сделан вывод о том, что базовые семейные ценности являлись основополагающим критерием культуры полноценной жизни российской научной интеллектуальной элиты.

Ключевые слова: *персональная история, культура жизни интеллектуальной элиты, семейный уклад семьи академика В. И. Вернадского, российская интеллектуальная история.*

The article examines the lifestyle of the family of an outstanding representative of the Russian intellectual elite of prerevolutionary and postrevolutionary time on the basis of analysis of personal origin sources — letters, diaries, memoirs of V. I. Vernadsky and his family members. Concluded, that the basic family values considered to be the fundamental criterion of culture of holistic (total) life of the Russian scientific intellectual elite.

Keywords: *personal history, culture life of the intellectual elite, the family mode of academician V. I. Vernadsky's clan, Russian intellectual history.*

Материал поступил в редакцию 1.06.2013; рекомендован к публикации 28.01.2014. Рецензент от редколлегии журнала — доктор философских наук, профессор Э. В. Гирусов.

Тема, заявленная в названии сообщения, не нова. Биографы В. И. Вернадского детально изучили все этапы жизни ученого. Опубликован значительный массив источников, содержащих информацию о личной жизни Владимира Ивановича, его семье. Вычленение данной темы как самостоятельного направления в изучении наследия В. И. Вернадского и его потомков началось примерно с конца 1980-х годов публикацией писем академика В. И. Вернадского жене — Н. Е. Вернадской [1; 4; 5; 6; 13; 14], а также фрагментов писем-воспоминаний их дочери Нины Владимировны Вернадской-Толль об отце и матери, адресованных В. Неаполитанской [3] и продолжилось публикацией писем Георгия Вернадского отцу [8; 10] и его воспоминаний [9]. Пафос указанных текстов — в безграничной любви, ласке, взаимопонимании и духовном родстве. Содержание писем дает возможность выявить ключевые моменты в характере взаимоотношений мужа и жены, отца и детей.

Выдающийся ученый и человек оставил огромное духовное наследие, в котором особое место занимают эго-документы, позволяющие проследить процесс формирования его собственной семьи — отношения с женой, воспитание детей — и сформулировать базовые принципы семейного лада Вернадских, этические основания жизни уникальной и в то же время типичной для своего круга семьи. К числу наиболее информативных источников по теме относятся дневники ученого и эпистолярное наследие членов семьи. Как справедливо замечает М. Ю. Сорокина, «переписка семьи Вернадских, социальными катаклизмами разбросанная по разным континентам и странам, но интенсивно продолжавшаяся все 1920—1940-е годы, это уникальный историко-культурный памятник эпохи, достойный отдельного, полного, комментированного издания» [13, с. 214—215].

Знакомство с текстами писем, дневников, фрагментами воспоминаний членов семьи Вернадских и их друзей, коллег рождает в душе читателя чувство восхищения этой семьей. О. Н. Яницкий, задавая себе и читателю риторический вопрос: «Может быть Клио просто заигрывает с нами, создав некий "идеальный тип" личности ученого гражданина, которого не может быть никогда?», отмечает, что он «склонен понимать феномен Вернадского как высшее выражение русской культуры на рубеже XIX—XX вв., трагические обстоятельства которых лишь максимально проявили и обострили ее лучшие стороны». Вернадский, по мнению исследователя, «четко обозначил императив

нравственной ответственности научного сообщества за судьбу страны и мира» [14, с. 138].

Феномен «ладной жизни» и полифония ладов социального бытия

Ключевой категорией данной работы является понятие «лад». Обратимся к этимологии этого слова. В словаре русского языка даются следующие определения: 1) «согласие, мир, дружба»; 2) «способ, образец»; 3) «способ построения звукоряда, сочетание звуков и созвучий, строй музыкального произведения» и др. [12, с. 159].

Используя понятие «лад» в историческом контексте, сконцентрируем внимание на организации социальной жизни. Традиционное общество характеризуется крепкими жизненными устоями, формализованными моделями поведения, деятельности, межличностного общения, которые формируются многими поколениями людей в течение длительного времени. Для различных социальных страт свойственны собственные модели «"ладной" жизни». Так, традиционный крестьянский лад России подробно описан в книге известного писателя-деревенщика Василия Ивановича Белова [2].

«Жажда лада» (так был назван очерк Михаила Лобанова о творчестве писателя, опубликованный в газете «Советская культура» 23 октября 1982 года) возникает в общественном сознании в кризисные времена, когда общество оказывается на грани гуманитарной катастрофы.

Если допустить сравнение общества со струнным инструментом, то возможно говорить о множестве ладов, представляющих жизненный мир конкретных социальных групп: о крестьянском ладе, рабочем ладе, интеллигентском ладе и т. д. Отдельные «лады» будут иметь ярко выраженные специфические черты, обусловленные средой обитания (включая круг человеческого общения), уровнем воспитания и образования, характером деятельности. Характер деятельности человека имеет решающее значение в формировании ладного уклада жизни, ибо именно он определяет особый лад жизни: деятельность, нацеленная на материальное производство, рождает свой лад, на духовное — свой. Несомненно, что различные факторы влияния на жизненные устои могут усилить специфику социального лада, но те же факторы могут способствовать выявлению общих черт для всего социума.

Персональная история в рамках изучения «ладной жизни» (данное словосочетание ориентирует нас на позитивную идентичность) человека, семьи, рода, того или иного социального слоя, корпорации имеет первостепенное значение. Наше внимание привлек семейный уклад Вернадских как форма выражения культуры жизни представителя интеллектуальной элиты предреволюционной и пореволюционной России, в частности, культуры семейных ценностей.

Муж и жена: «Мы жили душа в душу и мысль в мысль...»

Богатейший материал о взаимоотношениях между супругами содержится в письмах В. И. Вернадского к жене Наталии Егоровне Старицкой (в девичестве). Слова В. И. Вернадского о жене — «мы жили душа в душу и мысль в мысль» — служат лаконичным выражением основания гармоничного семейного мира. Они созвучны русской народной пословице — «муж и жена одна душа» — (увы, трансформированной временем и людьми в иную формулу). Важно отметить, что письма В. И. Вернадского к жене отличаются от писем в широком понимании. Их специфичность объясняется автором так: «я хочу, чтобы Вы меня знали, каков я есть», «я думаю излагать свой дневник к Вам в письмах, а другого не иметь», «скрывать от Вас ничего не могу» [4, с. 25]. Таким образом, письма ученого можно трактовать как дневник, в котором присутствует тема исповеди.

Письма начинаются уменьшительно-ласкательными обращениями к жене, уже указывающими на трепетное к ней отношение любящего мужа — «моя волшебница», «моя голубушка», «моя дорогая, мое все» [4, с. 34, 41, 42]. Такого рода обращений множество. Они свидетельствуют о глубочайшем чувстве мужчины к женщине, для которого любовь означает «забыть самого себя» [4, с. 22]. О родителях своих он писал жене, что они «любили друг друга чрезвычайно», их отношения выстраивались на патриархальной традиции. Его мать «до конца жизни сохранила к отцу род некоторого обожания: он ей казался самым умным, самым ученым человеком, какой только может быть» [тем же]. Владимир Вернадский, усвоив эту традицию, сформулировал свой взгляд на семью: «мне представляется семья могущей существовать и иметь значение только тогда, когда нет такого главенства ни с чьей стороны, когда лица, образовавшие семью, не расходятся в своих главных целях и идеях; в

такой семье, где существует полнейшая дружба и искренность с обеих сторон, где мужчина и женщина могут вместе работать на пользу общую, где дается полная возможность полному развитию всех сил и способностей, различных несколько для разных полов...» [цит. по: 1, с. 71]. Как отмечает Р. Баландин, Вернадскому «были чужды призывы к "свободным" проявлениям чувств, отказу от семейных уз. Он стремился к браку, детям, семье, спокойной творческой обстановке» [там же].

Отец и дети: понемногу обо всем

Думается, что семейная традиция рода Вернадских на примере родителей Владимира Ивановича, его собственной семьи и семей его детей — Георгия и Нины — став частью истории российского общества, демонстрирует современным поколениям образцы (модели) семейных отношений, основанных на чувстве любви, дружбы и уважения. Взаимоотношения Владимира Ивановича Вернадского с детьми можно кратко охарактеризовать словами дочери Нины: «отец всегда часть всего, что я помню».

Дочь Нина обращает внимание читателя и исследователя на черты характера В. И. Вернадского — отца, значимые для нее как для ребенка, взрослого человека и матери. Это — глубокая любовь к близким, неприятие гнева, бесстрашие, высочайшая работоспособность, широчайшая эрудиция, любовь к простоте во всем. В текстах писем вырисовывается идеальная картина отношений дочери с отцом и образ идеального отца, который воспринимался девочкой как красивый аккуратный мужчина, заботливый, любящий папа, друг, учитель жизни. Нина Владимировна писала: «Он учил меня смотреть и слушать, и быть частью поля, леса, Космоса. Мы выходили после захода солнца, и он учил меня узнавать созвездия и сознавать человека как часть мира» [3, с. 124]. В семье, где мать и отец жили в полном согласии, где книги были приоритетной ценностью и «покупались за любую цену», читались вечерами вслух, где дети приобщались к музыкальной, художественной, театральной культуре наравне со взрослыми или вместе с ними играли в городки, формировалась определенная благоприятная аура для личностного развития. Но главное в отце, по мнению дочери, состояло в том, что «всякое бессмысленное уничтожение жизни и живого для него было больно» [3, с. 126].

В письмах отца к сыну Георгию, датированных 1929 годом [7], содержится уникальная информация как об авторе писем, так и о его отношении к профессиональной деятельности сына. Пять писем к сыну, в первую очередь, следует рассматривать как важнейший источник по истории революции в России. В них В. И. Вернадский в связи с работой Георгия Вернадского над новой темой — о Ленине — высказал ряд рекомендаций по изучению источников, а так же четко сформулировал свое отношение к руководителю советского государства и его роли в революции. Г. В. Вернадский в эмиграции написал одну из известных своих книг «Ленин — красный диктатор» [11].

Любопытно, что В. И. Вернадский был хорошо знаком с братом Ленина — Александром Ульяновым, «был даже довольно близок в студенческие годы и <...> после окончания Университета», а Ленина почти не знал — «встречался, но очень мало, и даже не осталось о нем воспоминаний» [7, с. 86]. Но в целом, оценивая личность Ленина, Владимир Иванович Вернадский отмечал, что Ленин обладал «государственным умом», «что не будь его <...> революция явилась бы еще более разрушительной. Сохранение — в общем — центров научной и художественной работы, вероятно, очень многим обязано лично Ленину в самые трагические моменты» [там же].

Заслуживают внимания размышления ученого о настроениях в обществе, о положении Академии наук, где «все уничтожается в корне выбором людей. Выбирают благонадежных, а не талантливых и знающих» [7, с. 84], об официальной прессе, в которой царят «клевета и донос». Время конца 1920-х годов в России характеризуется автором писем как «страшное»: террор, борьба против христианства, борьба власти с крестьянством, угроза развала русского государства («Украина и Грузия — наиболее опасные части») [7, с. 86]. На наш взгляд, существенно замечание В. И. Вернадского о марксизме как «уже пережитом».

Письма Георгия Вернадского, написанные родителям в Прагу в 1932—1936 годах [10], отличаются от отцовских повышенной эмоциональностью в обращении к родителям («драгоценная мамочка», «драгоценный папочка», «драгоценные мои», «любящий Георгий» и т. д.), более подробным описанием бытовых сторон жизни его семьи: обеды, визиты, прогулки, уборка, текущие дела. Некоторые письма напоминают отчеты о научной и учебной работе, отпуске или планах. Одно письмо содержит приглашение родителям приехать в

США. Тексты писем свидетельствуют о регулярности переписки. Георгий, будучи уже зрелым человеком, по-прежнему часто обращался к отцу за советом в финансовых и других вопросах. Особо следует отметить, что он собирал воспоминания родителей о семье. Поэтому в письмах встречаются строки: «Спасибо за продолжение воспоминаний (3-й листочек). Очень они мне дороги» [10, с. 54].

Письма В. И. Вернадского к сыну и дочери [8], датированные 1940 годом, свидетельствуют, что отец продолжал интересоваться профессиональными делами своих детей, сообщал им о своей научной работе, следил за издававшейся в СССР научной литературой по истории — для сына и по медицине — для дочери, приобретал ее и пересылал детям в США. Встречаются в письмах воспоминания о собственном детстве, например, об увлечении астрономией, а наряду с ними, заключения о перспективах развития человеческой цивилизации и современном ее состоянии. В письме к Георгию от 1 мая 1940 года он писал: «Я спокойно смотрю в будущее среди дикого варварства, охватившего мир. Но исторически идет любопытнейший процесс — думаю, в конце концов, процесс созидания» [8, с. 127]. В письмах, несмотря на преобладание информации, касающейся научных и общественных вопросов, содержатся сведения личного порядка. В. И. Вернадский сообщает детям о здоровье матери — Н. Е. Вернадской, своем, интересуется здоровьем внучки Танечки (дочери Нины Толль), ее ростом (он писал: «Я не могу себе иначе ее представлять» [8, с. 133]), ее русским языком. Он хотел, чтобы у Тани были его работы. В письмах этого времени часто повторяется одна мысль, сформулированная автором так: «В научной работе я чувствую себя совсем молодым — более молодым, чем молодые» [8, с. 129]. В. И. Вернадский без сомнения являлся для своих детей маяком, опорой, жизненным источником, примером.

«Он не будет тем, чем был для нас, но будет таким, каким он нужен людям» [3], — так сказала дочь о своем отце. История любви В. И. Вернадского к детям и жене — не только частный пример, хотя и достойный подражания, это показатель уровня высочайшей культуры одного из представителей российского общества, воспитанного в традициях дореволюционной России.

Библиографический список

1. Баландин Р. Вернадский. М.: Вече, 2013. 368 с.
2. Белов В. Лад. Очерки о народной эстетике. М.: Молодая гвардия, 1982. 293 с.
3. Вернадская-Толль Н. В. Штрихи к портрету // Прометей: историко-биографический альманах. 1988. Т. 15. С. 120—131.
4. В. И. Вернадский: Письма Н. Е. Вернадской (1886—1889). М.: Наука, 1988. 304 с.
5. В. И. Вернадский: Письма Н. Е. Вернадской (1889—1892). М.: Наука, 1991. 320 с.
6. В. И. Вернадский: Письма Н. Е. Вернадской (1893—1900). М.: Наука, 1994. 368 с.
7. Вернадский В. Совершенно конфиденциально // Родина. 1990. № 7. С. 84—86.
8. Вернадский В. И. Письма к сыну и дочери // Вестник АН СССР. 1990. № 12. С. 122—133.
9. Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 129—148; *Он же*. Из воспоминаний // Вопросы Истории. 1995. № 3. С. 103—121.
10. Вернадский Г. В. «Очень горько мне...» // Источник. 1999. № 1. С. 45—56.
11. Вернадский Г. В. Ленин — красный диктатор. М.: АГРАФ, 1998. 320 с.
12. Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Издательство «Русский язык», 1982. Т. 2: К—О. 736 с.
13. Сорокина М. Ю. Вернадский в Париже, или о чем академик говорил с Анри Бергсоном // В. И. Вернадский и современность: Материалы торжественного заседания, посвященного 140-летию со дня рождения академика В. И. Вернадского (Москва, 12 марта 2003 г.). М.: Издательский дом «Ноосфера», 2003. С. 211—220.
14. Яницкий О. Н. Этнос В. И. Вернадского и проблемы современности // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 125—139.